

УДК 81'161.1
ББК 81.411.2

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ И ПРЕДМЕТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

О.Н. Кушнир

Предпринята попытка определить объект и предмет, а следовательно, и задачи политической лингвистики и политической лингвокультурологии. Показано, что термин *политика* даже в научном дискурсе отсылает не к понятию, а к макроконцепту как феномену, сущность которого может быть определена прежде всего средствами лингвокультурологического, а не политологического анализа. Выявлена динамика макроконцепта «политика» в русском языковом сознании.

Ключевые слова: *политическая лингвистика, политическая лингвоконцептология, лингвокультурный концепт, макроконцепт.*

Любая наука начинается с выяснения, что представляют собой ее объект и предмет. Политическая лингвистика и лингвокультурология по отношению к политике как своему внеположенному лингвистике объекту оказываются в трудном положении, поскольку феномен политического в зеркале восприятия «рядового» носителя языка, в академических трудах политологов, в учебниках политологии и в практике реальных политиков предстает не как упорядоченная цельная система, но как совокупность взаимопересекающихся систем, относительно независимых друг от друга.

Кроме того, феномен политического в сознании россиян по крайней мере трижды существенно изменялся на протяжении последних десятилетий: советская эпоха, период политической нестабильности на рубеже XX–XXI веков и нынешняя фаза относительной стабилизации связаны с различными структурами макроконцепта ¹ «Политика», которые, по сути, сосуществуют в современном языковом сознании, что обуславливает необходимость его изучения с позиций не синхронной или исторической, а динамической лингвоконцептографии.

Лингвистические исследования внеязыковых феноменов сквозь призму языка/речи, как правило, основываются на очень общем исходном представлении об объекте. В частности, феномен политического зачастую сводится к суженному представлению о политике как «борьбе за власть» (см. об этом: [22, с. 5; 27, с. 3]). Эти характеристики справедливы постольку, поскольку «борьба за власть» действительно составляла доминанту политической жизни периода политической нестабильности в нашей стране. Однако в предшествующий советский период, как явствует, например, из материалов словаря «Мир политики в зеркале метафор», изданного в 1991 году [1], метафора ВОЙНЫ с такими опорными лексемами, как *бой, битва, прорыв, штурм, крестовый поход, взрыв, плацдарм, позиции, фронт* и др., в сфере внутривнутриполитической жизни по преимуществу использовалась применительно к явлениям неполитического характера типа *уборка урожая* или *качество продукции*, поскольку ни о какой борьбе за политическую власть внутри страны речи быть не могло. В «социологическом», по словам автора, романе «Зияющие высоты» А.А. Зиновьев объясняет, почему политические отношения для «ибанского общества» (то есть для общества со-

ветского, политическая ментальность которого во многом не изжита до сего дня) нехарактерны [6, с. 537–538]. Смысл лозунга советских времен «Народ и партия едины» заключался не в декларации единства, а в утверждении, что партия – единственная реальная политическая сила и власть, исключающая наличие каких-либо очевидных противников или хотя бы оппонентов.

В современных условиях, в начавшиеся 10-е годы XXI века, в период относительной стабилизации внутривнутриполитической жизни, ядро содержания концепта «Власть» как составной части макроконцепта «Политика» оказывается связанным прежде всего не с концептом «Борьба за власть», как в период нестабильности, или с концептом «Манипуляция сознанием», что было отличительной чертой советских времен (см., например, книгу С.Г. Карамурзы, на протяжении последних лет считающуюся политическим бестселлером [8]), а с концептом «Управление обществом», что хорошо соотносится с академическим определением *власти*, принятым в сфере права [23, с. 129]. Следовательно, лингвистические аспекты исследования феномена политики в современных условиях не могут основываться на представлении о «борьбе за власть» как наиболее актуальном – необходим комплексный лингвоэпистемологический анализ феномена политики как объекта и предмета политической лингвистики и политической лингвокультурологии с целью выявления содержания и структуры той ядерной части макроконцепта «Политика», которая является общей для разных периодов исторической жизни нашей страны.

Следуя логике определения *объекта* и *предмета*, принятой в эпистемологии (см., например: [28, с. 642, 732]), *объект политической лингвистики* можно определить как языковые/речевые средства, которые, во-первых, напрямую отражают специфику содержания предметной области «Политика» как объекта науки политологии (и тем самым принадлежат ядерной части лингвокультурного макроконцепта «Политика»); во-вторых, образуют ближайшую периферию предметной области «Политика» как объекта политологии, формирующейся на пересечениях с предметными областями других наук, например эко-

номики, социологии, что фиксируется в терминах *политическая экономия, языковая политика, социальная политика*; в-третьих, относятся к дальнейшей периферии, связанной со вторичными значениями существительного *политика*, обусловленной его употреблением в обиходной сфере (*семейная политика, страусовая политика*); *предмет* политической лингвистики определяется как система языковых/речевых средств, цели и способы их использования в *политическом дискурсе*, понимаемом как коммуникация/общение² в ситуациях, принадлежащих сфере политического.

Основной феномен, изучаемый лингвокультурологией, – лингвокультурный концепт; следовательно, *объект политической лингвокультурологии* – макроконцепт «Политика» как целое и составляющие его частные политические концепты, *предмет* – содержание и структура макроконцепта «Политика», рассматриваемые сквозь призму способов их опредмечивания средствами естественного языка. Конкретизация объекта и предмета в частных лингвокультурологических исследованиях феномена политики связана с отдельными сферами политической деятельности, например: *внутренняя/внешняя/социальная/молодежная/церковная... политика* или *политика в сфере образования/спорта/культуры/науки/искусства* и т. д.

Поскольку политика в целом, независимо от того, какую сферу жизни общества она регулирует, – это вид человеческой *деятельности*, то ее специфическое содержание определяется конкретикой трех базовых составляющих, которые характеризуют любую деятельность: *субъект, объект, содержание деятельности* (субъекта по отношению к объекту) (ср., например, академическое определение понятия «деятельность», принятое в психологии: «Деятельность – активное взаимодействие с окружающей действительностью, в ходе которого живое существо выступает как субъект, целенаправленно воздействующий на объект и удовлетворяющий таким образом свои *потребности*» [3, с. 165]).

Политическая лингвистика выясняет: (1) *какими языковыми/речевыми средствами*, (2) *с какими целями* пользуются в *политическом дискурсе*. Политическая лингвокуль-

турология, основываясь на языковых/речевых данных, ищет ответ на следующие базовые вопросы о составе и структуре макроконцепта «Политика»: (1) *кто/что* (2) *по отношению к кому/чему* (3) *что делает* в сфере политического. Совокупность ответов на эти три вопроса ведет к реконструкции представлений носителей языка о том, *что это такое* – политика. В предельном разграничении можно сказать, что политическая лингвистика занимается политическим языком/речью, политическая лингвокультурология – политическим языковым/речевым сознанием.

Предложенные характеристики, нацеленные на ясное различие политической лингвистики и политической лингвокультурологии и представляющиеся автору данной статьи очевидными, разумеется, не могут претендовать на полноту и завершенность, поскольку политическая лингвокультурология пока не может рассматриваться как «институционализованная» дисциплина, а в исследовательской практике политической лингвистики бытуют разные трактовки ее содержания и назначения, что побуждает специалистов в этой новой области лингвистического знания совершенно справедливо констатировать: «Экстенсивная активность здесь стала захватывать сегодня не только печатные площади, но и вузовские учебные программы, спецкурсы, пособия и проч., заметно опережая уровень согласия в минимально общепризнанном статусе формирующейся дисциплины – политической лингвистики» [16, с. 4]. Так, первое учебное пособие по политической лингвистике, вышедшее в нашей стране, открывается двумя существенно различающимися характеристиками этой области знания [26, с. 5, 8]. Трудно согласиться с авторами в отождествлении или хотя бы в признании квазисинонимичности «манипуляции» и «коммуникации», «борьбы за власть» и «пропаганды».

Эти симптоматические различия обусловлены многообразием представлений о политике как институциональной и обиходной социальной практике, что ставит политическую лингвокультурологию перед задачей выявить состав и структуру *ядерной части* макроконцепта «Политика». В методологическом основании – различие двух подходов: 1) макроконцепт «Политика» в его фундированности содержанием термина *политика* в

научном знании (в системе политических наук, прежде всего в политологии) и теми смыслами, которые связаны с употреблением существительного *политика* в институциональном политическом дискурсе; 2) в его фундированности теми представлениями о политике, которые бытуют «в народе» – в обиходном (обыденном, вненаучном) сознании носителей языка – и находят отражение в неинституциональном дискурсе «о политике».

«Ближайшие» очевидные источники в рамках первого подхода – политологические издания, прежде всего такие, которые нацелены на отображение относительно устоявшихся научных представлений о политике (например, учебники и энциклопедии), в рамках второго – филологические словари и публикации, отражающие понимание политики людьми, институционально со сферой политического не связанными; круг «дальнейших» источников в максимуме охватывает практически все написанное и сказанное людьми, но в минимуме это, с одной стороны, специальная политологическая литература, с другой – результаты специальных исследований в рамках политической лингвистики и политической лингвокультурологии, основывающиеся на самом различном языковом/речевом материале. В дальнейшем изложении автор ограничивается кругом «ближайших» источников.

Для политологических дефиниций *политики* характерны высокая степень разнообразия – опора на различные признаки, признаваемые существенными, в том числе в работах одного и того же автора, и недостаточно ясное разграничение, с одной стороны, научного знания, с другой – обыденных представлений о политике [14, с. 6; 15, с. 396; 19, с. 4].

Разночтения в трактовке сущности политического, логико-лингвистическая невыстроенность дефиниций *понятия* «политика» – при наличии огромной научной и учебной литературы, которая нацелена на возможно более широкую характеристику *предметной области* «Политика», – побуждают заключить, что термин *политика* даже в научном дискурсе отсылает не к понятию, но к концепту, точнее – *макроконцепту* как феномену, сущность которого может быть выявлена прежде всего средствами лингвокультурологического, а не политологического анализа.

Эпистемологическая целесообразность анализа макроконцепта «Политика» как лингвокультурного феномена, отражающего реальности именно обыденного языкового сознания, в отличие от сознания научного, обуславливается тем, что лингвокультурный концепт – явление холистическое, синкретичное, в силу чего он может рассматриваться как сущностное ядро, отражением которого является понятие – во всяком случае, в гуманитарной сфере (по мудрым суждениям В.В. Колесова, «концепт, являясь “чистым смыслом” сам по себе, не может быть многозначен – он синкретичен» [10, с. 120]; «концепт есть сущность, явлением которой выступает понятие» [там же, с. 404]).

Семантическое ядро лингвокультурологического макроконцепта «Политика» находит отражение в дефинициях толковых филологических словарей, которые, в отличие от политологической литературы, выступая как источник сведений не о научных, а об обыденных представлениях носителей языка о сфере политического, отчетливо фиксируют именно обиходные представления о *политике* – как сфере взаимодействия *общества* и *государства* на основе отношений *власти*, – именно *общества*, а не *народа*, поскольку понятие «народ» связано с представлением о целостности, а понятие «общество» – о расчлененности, что зафиксировано еще в Словаре В.И. Даля [5, с. 461, 634].

Современное филологическое словарное толкование существительного *политика* отражает обиходные представления, в соответствии с которыми существо феномена политического – во *властных* взаимоотношениях *общества* и *государства*, при доминантной направленности властных отношений «от государства к обществу» [18, с. 902]. Предложенная предельно обобщенная формулировка обиходных представлений о политике одновременно является и характеристикой семантического ядра лингвокультурологического макроконцепта «Политика» как складывающегося из частных концептов «Общество», «Государство» и «Власть». В рамках этой триады концепт «Власть» выступает в векторной функции: властные отношения могут быть направлены либо «от общества к государству», либо «от государства к обществу»³. В советский

период нашей истории актуализованным был только второй из этих векторов. В постперестроечный (точнее, в постсоветский) период несколько актуализируется первый вектор, что отражается в актуализации лексемы *политизация* в значении «пробуждение интереса к политике, политической жизни» [24, с. 473] и в появлении антонима этой лексемы – *деполитизация* в значении «ослабление политической активности, утрата интереса к политике» [там же, с. 202].

Заметим, однако, что для современного языкового сознания 10-х годов XXI века, отражающего период относительной стабилизации внутривластной жизни, не стоит преувеличивать значимость лингвокультурологического вектора «от общества к государству», о чем, казалось бы, свидетельствует появление целого неологического словообразовательного гнезда: *политизация* с потенциальным мотивирующим глаголом *политизировать(ся)* и производными *политизированный*, *политизированность*; *деполитизировать* и *деполитизация*, *деполитизированный*. Эти лексемы употребляются по преимуществу в публицистической речи, отражают такую оценку состояния общественного сознания, которая делается людьми, профессионально связанными именно со сферой политического, и появление таких слов не может служить основанием для заключения, что современное русское языковое сознание политизировано.

Политизация российского общества – феномен временный, характерный только для периода нестабильности; в периоды стабильности наше *общество* «по умолчанию» предоставляет заниматься политикой в ее различных функциях *государству*, то есть политикам профессиональным. Лингвокультурологический макроконцепт «Политика» в языковом сознании «рядовых» носителей языка в такой исторический период оказывается деактуализованным, и гениальная пушкинская формула «Народ *безмолвствует*», завершающая драму «Борис Годунов», вполне приложима к современной ситуации. Очевидная поддержка нынешней государственной власти обществом не позволяет рассматривать его как самостоятельную политическую силу. Такое положение дел точно соответствует не только инту-

итивно очевидному всем, но и признаваемо-му специалистами по философии политики феномену восприятия россиянами власти «как чего-то отчужденного от народа», ощущения «отделенности государственной власти от населения» [17, с. 31, 33].

Деактуализацию макроконцепта «Политика» не следует интерпретировать как *отчуждение* российского общества от политики, а значит – от государства. Следует учитывать как факторы отсутствия отчуждения, во-первых, что в языковом сознании россиян лингвокультурный концепт «Государство» (как официальная, формальная структура) занимает лингвокультурологически подчиненное положение по отношению к концепту «Родина» – актуализованному независимо от конкретной исторической ситуации; во-вторых, что типологическая черта российского менталитета⁴ – антиномичный дуализм, противоречиво соединяющий в рамках одного свойства логически несоединимые явления: индивидуализм и группизм (с другими акцентировками – коллективизм, соборность), трудолюбие и ленность, стремление к новому и догматизм, в том числе *авторитаризм* как склонность безоговорочно склоняться перед властью и *анархизм*⁵.

Государство и Родина в русском сознании нераздельны; эту нераздельность в свое время отмечал И.А. Ильин [7, с. 257], перифразируя которого можно сказать, что в основе русского менталитета – синергичное, несмотря на антиномичность, взаимодействие общества и государства в рамках цельности концепта «Родина».

Русский «авторитаризм» и связанную с ним деактуализованность концепта «Политика» целесообразнее интерпретировать как *патриотизм* и *доверие* власти, чем как примитивную покорность. Об этом хрестоматийно глубоко и художественно убедительно говорит Л.Н. Толстой на протяжении всего романа «Война и мир». Достаточно вспомнить характеристику внутреннего состояния Безухова накануне Бородинского сражения и более значительный факт – решение Кутузова оставить Москву. Доказательством правомерности предложенной интерпретации может служить и докладная записка графа С. Уварова императору «О некоторых общих нача-

лах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения» от 19 ноября 1833 года [25], пафос которой заключается в поиске начал, способных позволить России противостоять всеобщему падению религиозных и гражданских учреждений в Европе. Такими началами граф С. Уваров считал Православие, самодержавие и народность; в другой формулировке это – Бог, царь и Отечество, а в современном прочтении этих ценностей – духовные основы общества, прочная «вертикаль власти» и патриотизм, основывающийся на осознании своего национального своеобразия.

Поскольку общество зависимо от политических решений, то причиной отчуждения не может быть само общество; его отчуждение от политики лишь следствие того, что оно оказывается *отстраненным* от политики, не включенным в *политические отношения*.

Понятие «отношения» предполагает наличие минимум двух взаимосвязанных сторон, в общем случае они могут быть охарактеризованы как «горизонтальные» или «вертикальные» – как отношения равенства или неравенства. Если одна сторона политических отношений – *общество*, а вторая – *государство* и если общество воспринимается как отстраненное от политики, то оказывается, что единственный субъект политики в восприятии носителей языка – государство и представляющие его облеченные властью лица. При наличии только одного субъекта «политические отношения» либо исчезают, либо, как минимум, оказываются нехарактерными; их место занимают отношения власти и подчинения.

Состояние отстраненности общества от политики отражено в современной «Большой актуальной политической энциклопедии», в которой словарная статья «Общество» отсутствует (наличествуют только статьи, трактующие производные понятия «Общественная палата» и «Общество потребления»). Толкование *государства* в этой энциклопедии не включает идентификатор «общество»; в качестве словарного идентификатора используется составной термин «политическая система» [2, с. 64, 239].

Можно заключить, что обиходное, массовое сознание «рядового» носителя языка, не владеющего специальными знаниями, неред-

ко воспринимает содержательное ядро макроконцепта «Политика» как *деятельность людей, борющихся за власть, чтобы пользоваться ею в своих личных или узкогрупповых целях*. Такое понимание объясняет содержание и структуру ассоциативного поля «Политика», как они выявляются в массовом ассоциативном эксперименте [21, с. 475].

Таким образом, макроконцепт «Политика», рассматриваемый в контексте динамической лингвокультурологии⁶, в его современном восприятии оказывается существенно меняющимся – возможно, даже утрачивающим исконное концептуальное ядро, суть которого в обобщенной характеристике «Государство – это способ организации и средство управления обществом». Новые актуализующиеся концепты отчетливо просматриваются в такой, например, формулировке известного канадского культуролога М. Маклюэна: «Сегодняшний тиран руководит уже не с помощью дубины или кулака, но, выступая как исследователь рынка, он гонит свои стада дорогой удобства и комфорта» (цит. по: [20, с. 21]). Концепты «Рынок», «Удобство/Комфорт», безусловно, оказываются актуальными и для современного русского лингвокультурного восприятия макроконцепта «Политика», однако доминантным для сегодняшнего состояния российского общества целесообразно считать, как было показано выше, концепт «Родина/Отечество».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Определяя концепт как перцептивно-когнитивно-аффективный феномен (см. об этом: [12, с. 162–164]), мы говорим и о его иерархически-полевой природе, в соответствии с которой *макроконцепт* занимает верхний уровень иерархии и представляет собой совокупность строящихся на едином семантическом основании, но относительно автономных концептов (см. об этом: [11; 13]).

² Целесообразность различения этих понятий обусловлена пониманием *коммуникации* как «сообщения или передачи средствами языка содержания высказываний», *общения* – как «взаимных сношений, деловой или дружественной связи (на основе использования средств естественного языка)».

³ При этом субъект собственно властных отношений не обязательно «государство» или «об-

щество», это может быть и некая внеположная им сила (например, финансовая олигархия, Церковь, криминалитет).

⁴ Именно *российского*, а не *русского*, поскольку речь идет не об одном – пусть самом крупном – народе нашей страны, а о нации в целом.

⁵ В теории и практике менеджмента, говоря о «законе соответствия менеджмента и менталитета», рекомендуют в управлении трудовыми коллективами россиян учитывать дуализм русского менталитета, который обуславливается специфическим «срединным» положением России в культурном пространстве – между Востоком и Западом (подробно об этом: [9]).

⁶ В лингвокультурологии диахронические факторы понимаются обычно как учет в интерпретации современного состояния концептуария данных его истории, прежде всего этимологических. Между тем черты развития просматриваются в синхронном состоянии современного русского языка, понимаемом как система и как ее реализация в речевых явлениях различной функционально-стилистической природы (см. об этом: [4]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов, А. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю) / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М. : Ин-т рус. яз., 1991. – 192 с.
2. Большая актуальная политическая энциклопедия: Настольная книга современного политика: 1000 актуальных понятий современной политической жизни / ред.-сост. А. В. Беляков, О. А. Матвейчев. – М. : Эксмо, 2009. – 412 с.
3. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – М. : АСТ Москва ; СПб. : Прайм-Еврознак, 2009. – 811 с.
4. Волков, В. В. Лингвоконцептология и лингвоконцептография: аспекты взаимодействия / В. В. Волков, О. Н. Кушнир // Стратегия исследования языковых единиц : материалы Твер. междунар. науч.-практ. конф. – Тверь : Изд-во ТвГУ, 2009. – С. 3–9.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – Репр. изд. – М. : Рус. яз., 1999. – Т. 2. – 780 с.
6. Зиновьев, А. А. Зияющие высоты : роман / А. А. Зиновьев. – М. : Эксмо, 2008. – 736 с.
7. Ильин, И. А. Путь к очевидности / И. А. Ильин. – М. : Республика, 1993. – 431 с.
8. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Эксмо, 2009. – 528 с.
9. Картавий, М. А. Методологические принципы формирования российского менеджмента / М. А. Картавий, А. Н. Нехашкин // Менеджмент в России и за рубежом. – 1999. – № 3. – С. 56–68.

10. Колесов, В. В. Философия русского слова / В. В. Колесов. – СПб. : ЮНА, 2002. – 448 с.
11. Кушнир, О. Н. Иерархически-полевая природа концептосферы: концепты и макроконцепты / О. Н. Кушнир // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : сб. ст. участников V Междунар. науч. конф. В 2 т. Т. 1. – Челябинск : Энциклопедия, 2010. – С. 79–82.
12. Кушнир, О. Н. О задачах динамической лингвоконцептографии / О. Н. Кушнир // Семантика языка и текста : материалы X междунар. науч. конф. – Ивано-Франковск : Изд-во Прикарпат. нац. ун-та им. В. Стефаника, 2009. – С. 162–164.
13. Кушнир, О. Н. О иерархически-полевой природе концептосферы / О. Н. Кушнир // Национально-культурный компонент в тексте и языке : материалы IV Междунар. науч. конф. В 2 ч. Ч. 1. – Минск : Изд-во Мин. гос. лингв. ун-та, 2009. – С. 57–59.
14. Мухаев, Р. Т. Политология : учеб. для студентов вузов / Р. Т. Мухаев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юнити-Дана, 2008. – 495 с.
15. Мухаев, Р. Т. Политология : учеб. для студентов юрид. и гуманитар. фак. / Р. Т. Мухаев. – М. : Приор, 2000. – 400 с.
16. Мухарьямов, Н. М. Вместо предисловия. О предметном поле политической лингвистики / Н. М. Мухарьямов, Л. М. Мухарьямова // Трансграничные языковые отношения: Очерки политической лингвистики / под ред. М. Н. Закамулиной, Н. М. Мухарьямова. – Казань : Каз. гос. энерг. ун-т, 2008. – С. 4–32.
17. Неретина, С. С. Концепты политического сознания / С. С. Неретина, А. П. Огурцов // Политическая концептология : журн. метадисциплинар. исслед. – 2009. – № 2. – С. 29–40.
18. Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт ; М. : РИПОЛ классик, 2008. – 1536 с.
19. Панарин, А. С. Политология: Западная и Восточная традиции : учеб. для вузов / А. С. Панарин. – М. : Кн. дом «Университет», 2000. – 320 с.
20. Ромат, Е. В. Реклама : учеб. для вузов / Е. В. Ромат. – СПб. : Питер, 2008. – 496 с.
21. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции : ок. 7000 стимулов / ред. Ю. Н. Караулов. – М. : Астрель ; АСТ, 2002. – 784 с.
22. Тираспольский, Г. И. Словарь политической борьбы: Материалы 1988–1996 гг. / Г. И. Тираспольский. – Сыктывкар : Изд-во КРАГСиУ, 2006. – 400 с.
23. Тихомирова, Л. В. Юридическая энциклопедия / Л. В. Тихомирова, М. Ю. Тихомиров. – Изд. 6-е. – М. : Изд. Тихомирова М.Ю., 2008. – 526 с.
24. Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения / под ред. Г. Н. Склярской. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 702 с.
25. Уваров, С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения / С. Уваров. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://monarhist-spb.narod.ru/library/Count_Uvarov/Count_Uvarov-1.htm.
26. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А. П. Чудинов. – М. : Флинта ; Наука, 2006. – 254 с.
27. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / Шейгал Елена Иосифовна. – Волгоград, 2000. – 32 с.
28. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / гл. ред. и сост. И. Т. Касавин. – М. : Канон+ : РОММ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.

ON THE ISSUE OF OBJECT AND SUBJECT OF POLITICAL LINGUISTICS AND POLITICAL LINGUA-CULTURAL SCIENCE

O.N. Kushnir

The author aims at defining the object and subject, as well as aims of political linguistics and political lingua-cultural science. It is shown that the term «policy» when used in scientific discourse is associated not only with the notion but points out to a macro-concept, which can be investigated mainly by means of lingua-cultural, but not by a political-science analysis. The article results in dynamic revelation of the concept in Russian linguistic consciousness.

Key words: *political linguistics, political lingua-conceptology, lingua-cultural concept, macroconcept.*